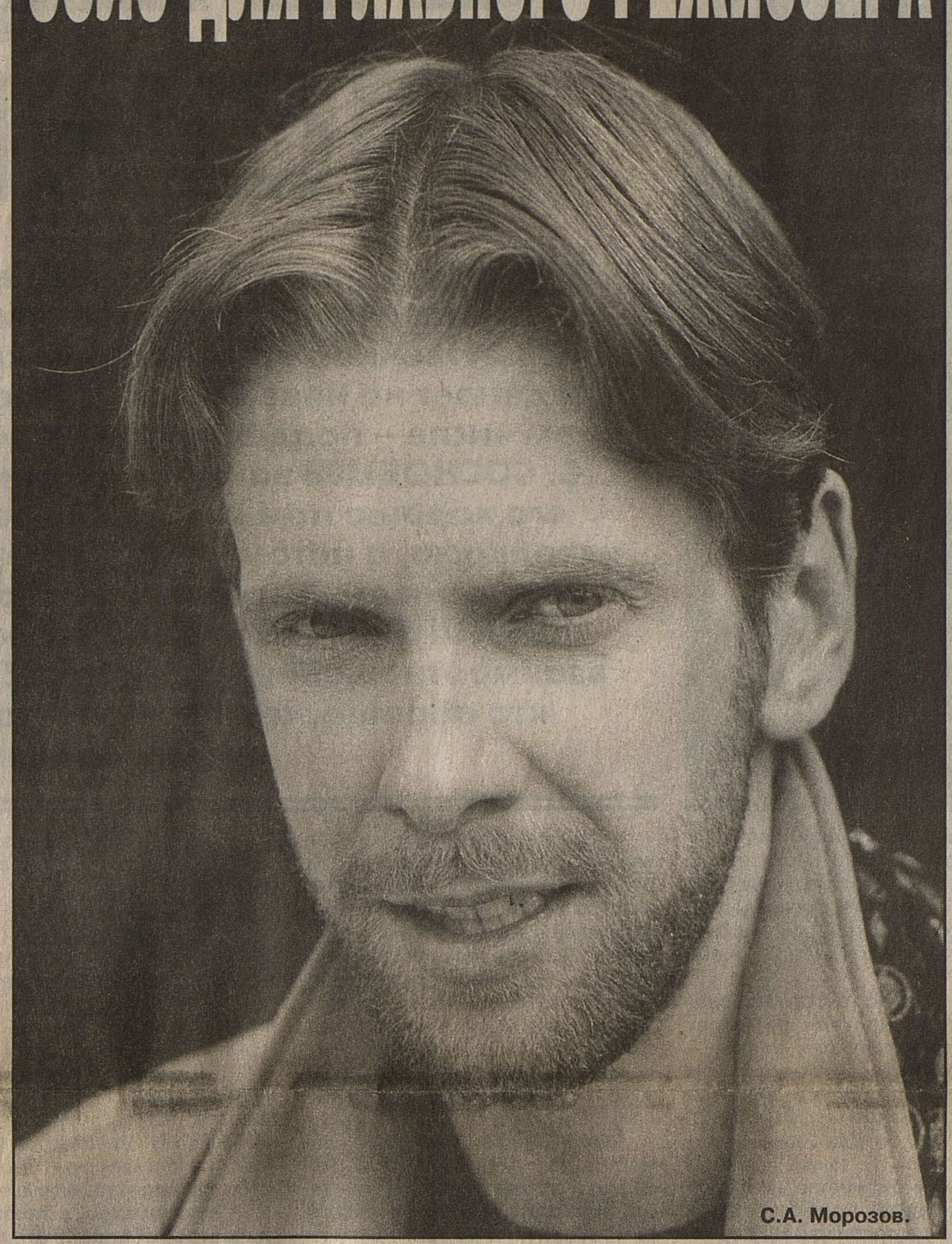
Театральное дело.-2003.- №4.-с.9.
04.2003 (отр.)
Морозов Сергей

Евгений **СТЕПАНЕНКО**

СОЛО ДЛЯ ГЛАВНОГО РЕЖИССЕРА



С.А. Морозов.

«Каждый человек не только имеет право, но просто обязан исполнить прожитой жизнью свое неповторимое «соло», оставить свой голос, свое звучание в памяти детей и друзей. И если эти голоса, эти «соло» соединяются в гармонию, возникает чудо человеческого единства, звенящее и прекрасное», – признался главный режиссер Костромского драматического театра после работы над спектаклем «Соло для часов с боем» по пьесе Освальда Заградника. Признание искреннее, и такова же сама постановка, удивительно нежная и человеколюбивая, несмотря на то, что героям ее, пожилым людям, довелось немало претерпеть невзгод и страданий, непонимания и отчужденности. Претерпеть, но до преклонных лет остаться верными зову собственных сердец, всегда встревоженных судьбой другого, сохранить незамутненный добрый взгляд, душевную щедрость, благородство, чувство собственного достоинства. К слову, показанный в мае в Москве на Всероссийском фестивале «ПостЕфремовское пространство», спектакль «Соло для часов с боем» стал лауреатом в номинации: «За верность традициям отечественной сцены, за дерзостность исканий, за гармонический союз режиссера, актеров и всех создателей спектакля».

Сопереживая пану Абелю (засл. арт. РФ. В. Гостищев) и пани Конти (нар. арт. РФ И. Аркадьева), пану Хмелику (засл. арт. РФ Д. Кромский) и пану Райнеру (засл. арт. Бурятии Ю. Ноздрин), то и дело ловишь себя на мысли, что постановщик Сергей Морозов взялся за эту тему по причине состояния собственной души, не признающей жизни обыденной, хмурой, прозябающей. Благо, с малых лет для него не было проблемы «делать жизнь с кого». Слово театр Сергей услышал уже в колыбели, ибо родился в семье, приписанной к этому беспокойному ведомству. Родитель, Анатолий Афанасьевич, в свое время организовал в Челябинске театр «Манекен», в Петербурге служил в Театре сатиры, возглавлял Белгородский театр драмы им. М. С. Щепкина. Дядя, Борис Афанасьевич Морозов – главный режиссер театра Российской армии. Тут, как говорится, сам Бог велел продолжать семейную традицию. Что юный Морозов и сделал. В 1999 году окончил Санкт-Петербургскую театральную академию по специальности «режиссура драмы» и «актер театра и кино», ставил спектакли в театрах Калининграда, Белгорода, Орла, не забывал и актерскую профессию. Стал лауреатом Всероссийского конкурса чтецов им. В. Яхонтова, победителем конкурса грантов «Музы Санкт-Петербурга», успел сыграть свадьбу с сокурсницей по театральной академии Людмилой Бояриновой, порадовался рождению сына Константина.

Все это случилось до 2000 года, до появления Сергея Морозова в Костроме, где молодого режиссера приветили тепло и дружелюбно. Правда, распростертых объятий он не видел, но пытливый взгляд чувствовал: ну-ну, посмотрим, что это за новое поколение Морозовых. На взгляды режиссер внимания не обращал, а сразу ринулся на сцену, озаряя ее неумной энергией, подзабытой романтичностью, живительным темпо-ритмом. Кажется, его натуре тесно в рамках привычных, изведанных, а потому даже жанры поставленных спектаклей являются всегда неожиданными, с каким-то лихим откровением: «семейное сумасшествие» («Дом, где все кувырком», А. Потреса), «версия в двух действиях» («Два путешествия Лемюэля Гулливера» Е. Брошкевича), «азартная игра» («Свадьба Кречинского» А. В. Сухово-Кобылина), «волшебная сказка, понятная даже самому взрослому зрителю» («Золушка» Е. Шварца), «озорство в двух действиях» («Малыш и Карлсон, который живет на крыше» по повести А. Линдгрен), «танго в стиле ретро» («Соло для часов с боем» О. Заградника), «комедия русской жизни» («Горячее сердце» А. Н. Островского). Зритель поначалу недоверчиво покачал головой, пошел глянуть ради любопытства, а потом потянулся на спектакли Морозова.

А скоро местные СМИ довели до сведения любопытных: «Самый молодой главный режиссер России». Так и было. Стать в двадцать пять лет главным без протекций и указующих перстов свыше – в этом, согласитесь, что-то есть. Назначение Морозова на эту должность было неспешным, рассудительным, даже опасливым. «Такой молодой и – главный?» – к подобным широким жестам в нашем государстве лишь в последнее время привыкают. Хоть что в том необычного? Михаил Федорович Романов в 16 лет взошел на Российский трон и ничего. Не подкачал. «Так то царство, – возразят иные, – а тут театр!». И что? Вспомним, как говорил канцлер Отто фон Бисмарк: «Тот, кто сможет управлять театром, сможет управлять и государством». Впрочем, и театральный мир в этом отношении не являлся чем-то заповедным. К примеру, Наталья Сац в 15 лет заправляла театральными делами Моссовета, что по нынешним масштабам равняется департаменту культуры регионального масштаба. В 18 лет стала директором и художественным руководителем театра для детей, теперь носящим ее имя. А уж про одного отрока, в 16 лет командовавшего полком, многие и без подсказки помнят. Так что во все времена Россия наша не оскудевала талантами, тем более грех не замечать их и не поддерживать теперь, когда за окном начало XXI века, с которым связываются многие надежды, ожидания, открытия. Тут без молодых, пытливых, мыслящих и одержимых никак не обойтись.

Так, видимо, было угодно судьбе, что вместе с назначением главрежа в Костромской театр пришел и новый директор. Им стала тоже молодая женщина, даже не дожившая до бальзаковского возраста, Ирина Третьякова, начинавшая тернистую театральную карьеру с уполномоченной по распространению билетов.

– **У меня сложились достаточно гармоничные отношения с Ириной Геннадьевной,** – признался Сергей Анатольевич. – **Каждый из нас занимается своим делом, которое знает и любит. Не вмешиваясь, но советуясь и поддерживая друг друга. Ситуация достаточно редкая и правильная. Хотя ни для кого не секрет, что последнее время продиктовало новые условия устройства театров. Появилось много театров только директорских. Хорошо это или нет, но это так. Хотя я считаю, что в театре не может складываться ситуация, когда все руководствуется только деньгами.**

Зная Сергея Анатольевича как человека импульсивного, порывистого, я поинтересовался: один из Ваших недавних предшественников свой монолог в газете озаглавил: «В театре должен быть диктат». Как Вы к этому относитесь?

Морозов с предшественником согласен. Только уточняет:

– **Да, диктат, но творческий. Вся жизнь коллектива должна быть подчинена одному: сделать новый по качеству, эстетике, актуальности, тематике спектакль. Мне не нужно подобострастное подчинение, я готов спорить с артистами, администрацией, цехами, только чтобы сделать что-то лучше, чем было. И не для себя, а для нашего общего дела, для Театра. Кто не хочет или не может, тут уж извините... А после хорошей работы, после сотворчества, после интересного результата могут возникнуть и хорошие человеческие отношения.**

Тут мне припомнилась мысль К. С. Станиславского о том, что «Актеры – те же дети, только сукины дети». Леонид Филатов даже фильм свой назвал такими неблагозвучными словами. Потому небезынтересно было узнать мнение главрежа на этот счет.

– **И да, и нет,** – чистосердечно признался Сергей Морозов. – **Я люблю актеров. Без этого существовать в нашей профессии невозможно. Уважаю за их труд, огромную творческую нагрузку. Но когда начинают пользоваться этой любовью, высказывать порой необоснованное самолюбие, капризничать, так и хочется процитировать Станиславского,** – и, помолчав добавляет с какой-то внутренней болью: **«Самая ужасная разница между театром и другими искусствами – отсутствие критерия в отличии хорошего актера от среднего. В живописи – классический пейзаж, в музыке – первый концерт Чайковского, а на театре каждый может заявить: «Я гений, только меня не раскрыли!». Да, сцена – увеличительное стекло. Видно все: какой ты в жизни, в любви, в экстремальной ситуации. Но объективной оценки все равно нет. Отсюда уязвленное самолюбие, мелочность, интриги. Выживают, восходят немногие. Но они и есть актеры».**

Уж коли речь зашла о людях, посвятивших себя сцене, не мог не спросить Сергея Анатольевича: по христианским понятиям актерская профессия считается духовно опасной, поскольку он должен «вчувствоваться», «вжиться», «перевоплотиться» в своего персонажа, что грозит потерей самого себя, своей личности, данной свыше. Как Вы на это смотрите?

По ответу понял: Сергей Морозов и сам задается этим непростым вопросом:

– **Кто-то сказал: «После открытия Станиславским своей системы, после «жизни человеческого духа» актерская миссия стала близка к христианской». Я с этим согласен, так как говоря о высоком, возрождая духовное начало в зрителе, изменяя его взгляд на суету обыденности, театр является светским эквивалентом церкви. Имею в виду настоящих актеров. Конечно, если он всю жизнь строит на сцене рожи, занимается лицедейством только ради потехи зрителя, то ни о какой миссии и духовности речь не идет. Хотя это, к сожалению, бывает достаточно часто.**

Сергей Морозов горячий сторонник театра режиссерского, рожденного XX столетием. По его разумению, если прежде актер сам «разводил» спектакль, устанавливал акценты, соединял все это с музыкой, песнями, танцами, то век минувший перевернул ситуацию. Автором спектакля стал режиссер. На первое место вышло индивидуальное решение, видение, интерпретация драматургического материала.

– **Именно режиссер создает «сговор», в результате которого и возникает свой авторский Театр. Проникающий в зрителя, захватывающий его,** – убежденно говорит Морозов.

Только как «заварить» желанный «сговор» – надумаешься и стрессами замучаешься. Что и показала работа над «Горячим сердцем» Островского. Спектакль рождался сложно, трудно, неподъемно, в спорах и сомнениях, поскольку режиссер видел в нем «своего» Островского.

– **За полтора века,** – говорит Сергей Анатольевич, – **столько появилось наносного, столько внешних штампов на тему, как можно, а как нельзя ставить Островского, что очень трудно порой бывает на сцене с этими штампами справиться.**

По признанию режиссера, даже опытные костромские актеры, переигравшие разного Островского, помимо воли допускали изначальный штамп: играем Островского, значит, играем долго, внятно, смачно...

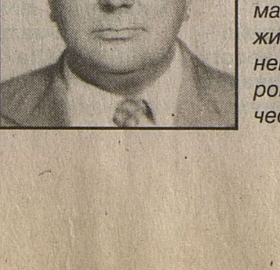
– **Но прежде всего,** – поясняет Морозов, – **надо отталкиваться от сути драматургии, ее духа, а не буквы – у Островского пронзительного и очень болевого. Если проникнемся духом Островского, человека, который исследовал средствами театра проблемы своего времени, то увидим, как сильно перекликаются они с нашим днем. Его мысли всегда трагичны, так как Островский русский человек, а умный русский человек всегда задумывается о судьбе поколений, о судьбе времени, о своем месте в этом времени.**

Последнее слово и правота оказались за Морозовым. Спектакль стал серьезным раздумьем о жизни, о суровом и непредсказуемом российском житье-бытье, о людском «горячем сердце», которое рождается биться легко и свободно, но человек сам глушит его самодурством. Бесцельными загулами, предательством своих светлых идеалов. И в то же время постановка манит тем, что каждый может вырваться на волю из собственной западни, из тюрьмы бездуховности и безнравственности, если сам чего-то стоит как человек.

Примечательно, что в «Горячем сердце» по-новому раскрылись ведущие актеры Владислав Гостищев, Юрий Ноздрин, Дмитрий Кромский, Эмиляно Очагавия, Анна Заварихина, как и их молодые коллеги Людмила Бояринова, Нина Маврина, Алексей Галушко, Данил Грецов, Андрей Галактионов, Евгений Кулагин, составившие слаженный, полифонически звучащий ансамбль. Все это не прошло мимо внимания критиков и сценических деятелей страны, принимавших участие в обсуждении спектаклей VI Всероссийского театрального фестиваля «Дни Островского в Костроме», состоявшегося в апреле сего года. Костромской фестиваль открыл новые актерские и режиссерские имена. Одно из них – Сергей Морозов.

За последние четверть века в Костромском театре сменилось десять главных режиссеров, в основном – не по собственной воле, так и не исполнивших здесь свое неповторимое «соло», не успевших, не сумевших. Хочется верить, что с приходом Сергея Морозова случится долгожданное, и один из старейших коллективов России услышит, наконец, близкий каждому творческий голос, и соединится с ним в гармонию, тогда-то и возникнет чудо человеческого единства, способное творить. Так нужное и необходимое театру и его зрителям.

Редакция представляет



*Евгений **СТЕПАНЕНКО**, давно окончив ГИТИС и попробовав себя в ролях актера и даже директора театра, на всю жизнь выбрал профессию заведующего литературной частью. Двадцать пять лет занятий ею, четверть века, в одном и том же Костромском театре, для всякого мало-мальски знакомого с театральным делом, не могут не восприниматься иначе как профессиональный подвиг. Разные времена переживал коллектив, менялись директора и режиссеры, а Евгений Степаненко всегда преданно любил свой коллектив, его спектакли и актеров, много лет писал о них, печатался в разных общественно-политических и театральных изданиях. – Ибо он – завлит!*